

Научная статья

УДК 343.2

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(6).766-774

РАЗВИТИЕ НОРМ И ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ЗАКАВКАЗЬЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

И.В. Минникес¹, Н.М. Саламов^{2, 3}

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Государственная служба имущественных вопросов при Министерстве экономики Азербайджанской Республики, г. Баку, Республика Азербайджан

³ Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Республика Азербайджан

Информация о статье

Дата поступления

29 октября 2021 г.

Дата принятия в печать

29 ноября 2021 г.

Дата онлайн-размещения

28 декабря 2021 г.

Ключевые слова

Закавказье; уголовное
законодательство; развитие; задачи
уголовного законодательства;
принципы уголовного закона;
справедливость; гуманизм

Аннотация. В статье изучается развитие уголовного права в Закавказском регионе Российской империи в начале XIX в., а также определяется политико-правовое значение присоединения Закавказья к Российской империи. Нормативную основу исследования образуют различные договоры Российской империи, в том числе с ханствами Северного Азербайджана, акты верховной власти — указы, манифесты и инструкции, а также соответствующие нарративные материалы. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, методы эмпирического и теоретического характера: описания, формализации, сравнения, анализа, обобщения, дедукции и индукции, гипотезы, а также специально-юридические методы — формально-юридический, сравнительно-правовой. Результаты исследования позволили обосновать вывод, что до присоединения Закавказья к Российской империи общественные отношения в этом регионе, в том числе и уголовно-правовые, регулировались нормами как писаного, так и обычного права, и на протяжении всей истории государственно-политические изменения вносили коррективы в уголовное законодательство. Присоединение Закавказья с его многонациональным и многоконфессиональным составом к Российской империи поставило перед центром задачу выработать особую уголовно-правовую политику по защите общества от преступных посягательств и иные цели и задачи в этой области. В статье определена степень влияния окраинной политики государства на формирование окраинной уголовной политики, описаны юридические акты, которые обеспечивали изменения в его уголовном законодательстве. Особое внимание уделено характеристике институтов уголовного права, подвергнувшихся изменению вследствие участия государства в этом процессе, оценены особенности целей и задач государственного принуждения, а также общих начал назначения наказания. На основании проведенного анализа содержания исторических юридических актов сделаны соответствующие выводы о том, что после присоединения к Российской империи впервые на нормативном уровне в уголовном праве Закавказья оформились его существенные задачи, такие как предупреждение преступлений, защита человека и общественной безопасности от преступных посягательств, а также в нем были установлены отличающиеся от ранее господствовавших фундаментальные принципы — принцип гуманизма и принцип справедливости.

Original article

THE DEVELOPMENT OF THE NORMS AND INSTITUTIONS OF CRIMINAL LAW IN THE TRANSCAUCASIA REGION AT THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Irina V. Minnikes¹, Natiq M. Salamov^{2, 3}

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² State Service for Property Issues under the Ministry of Economy of the Republic of Azerbaijan, Baku, the Republic of Azerbaijan

³ Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, the Republic of Azerbaijan

Article info

Received
2021 October 29
Accepted
2021 November 29
Available online
2021 December 28

Keywords

Transcaucasia; criminal legislation;
development; tasks of criminal
legislation; principles of criminal law;
justice; humanism

Abstract. The authors study the development of criminal law in the Transcaucasia region of the Russian Empire in the early 19th century, and discuss the political and legal significance of the accession of Transcaucasia to the Russian Empire. The normative basis of the research is various agreements of the Russian Empire, including agreements with the Khanates of Northern Azerbaijan, the acts of the supreme power — decrees, manifests and instructions, as well as the corresponding narrative materials. The methodological basis of this research is the general dialectic method of scientific cognition, the methods of empirical and theoretical character: description, formalization, comparison, analysis, generalization, deduction and induction, hypothesis, as well as the special legal methods: formal legal, comparative legal. Research results made it possible to prove that, before Transcaucasia joined the Russian Empire, social relationships in the region, including criminal law ones, were regulated by both written and common law, and that state and political changes lead to changes in criminal legislation throughout the whole history. When Transcaucasia, which has a multi-national and multi-confessional population, joined the Russian Empire, the central government faced the task of working out a special criminal law policy of protecting the society from criminal infringements, as well as some other goals and tasks in this area. The authors determine the degree to which the borderland policy of the state influenced the development of the borderland criminal policy, describe legal acts that enacted changes in the criminal legislation. Special attention is paid to describing the institutions of criminal law that underwent changes through the participation of the state in this process; specifics of the goals and tasks of government coercion, as well as the general basics of sentencing are evaluated. The conducted analysis of the contents of historical legal acts allowed the authors to conclude that, after joining the Russian Empire, the essential tasks of the criminal law of Transcaucasia were, for the first time, formulated at the normative level, including such tasks as crime prevention and the protection of individuals and public safety from criminal infringements. The fundamental principles of humanism and justice, different from the previously dominant ones, were established in the criminal law.

XIX век стал завершающим этапом трансформации территориального, экономического и идеологического пространства Российского государства. В начале этого столетия состоялся итоговый процесс продвижения России на Кавказ. В 1803 г. была присоединена Джаро-Белоканская область, затем в российское подданство вступили части Западной Грузии — Мингрелия (1803 г.), Имерети и Гурия (1804 г.). В 1804 г. Россией было завоевано и присоединено Гянджинское ханство. Затем в 1805 г. приняли российское подданство Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. В 1806 г. было завоевано и присоединено к России Бакинское ханство.

Местному праву национальных регионов Российской империи, в том числе и Закавказья, было посвящено достаточно много исследований как научного, так и учебного характера (В.И. Иваненко, С.С. Эсадзе, А.Д. Градовский, И.П. Петрушевский, А.Ш. Мильман, Н.И. Лазаревский Б.Э. Нольде, Н.М. Коркунов, Э.Н. Берентс, Н.Е. Торнау, М.М. Ковалевский, И.В. Кодан, И.Л. Дамешек, Н.С. Киняпина и др.). Однако в контексте развития уголовного законодательства этот вопрос представлен неоднозначно.

Во-первых, зачастую при анализе историко-правовых трудов создается впечатление,

что помимо грузинского права никакого иного права в регионе в принципе не существовало. В литературе подробно рассматривается сборник грузинских законов, составленных царевичем Вахтангом. Но в действительности Грузия сама по себе составляла малую часть обширнейшего Закавказья, и не следует забывать, что в регионе действовали и другие источники права.

Во-вторых, исследования подверглись источники, регламентировавшие уголовно-правовые отношения христианского населения, а правовые акты, касающиеся мусульманской части Закавказья, остались за пределами интенции исследователей.

В-третьих, историко-правовые исследования охватывали законодательство в целом, отдельные отрасли права специально исследованию на предмет выявления его юридической природы еще не подвергались.

В-четвертых, за пределами научных исследований остался вопрос эволюции уголовно-правовой системы норм, переход от одних средств правового регулирования к другим в масштабах исследуемого региона, хотя, по справедливому мнению И.В. Минникес, целенаправленное наблюдение за рождением, становлением и совершенствованием конкретной отрасли (института)

права позволяет выделить именно те аспекты, которые делают историю отечественного государства и права практически ценной наукой, а именно — выполнить задачи объективной оценки современности на основе обобщения прошлого опыта и прогностические [1].

Да и в целом имеющие огромное влияние на жизнь общества юридико-правовые процессы требуют постоянно обновляемого научного осмысления. С учетом всех перечисленных моментов данная работа имеет целью получение и обновление обобщенных, достоверных знаний об изменении задач и принципов уголовного права в Закавказье в начале XIX в., познание устойчивых, глубинных связей государственно-правовой жизни, определяющих ее историческое движение.

Однако, прежде чем углубиться в изменения в законодательстве, следует оценить правовые реалии изучаемой исторической эпохи.

Распространение действия государственной власти на присоединенные территории подразумевало и распространение на эти территории российского законодательства. Политико-правовые акты, оформившие присоединение Закавказья к Российской империи, стали юридическими основаниями применения в регионе российского законодательства, в том числе и уголовного.

После присоединения Грузии, в 1801 г., было принято «Высочайше утвержденное постановление внутреннего в Грузии управления». В документе говорилось: «Дела гражданские имеют быть произведены по настоящим грузинским обычаям и по Уложению, изданному царем Вахтангом, яко по коренному грузинскому закону... и в случае какого-либо недостатка... руководствоваться законами Всероссийской империи. Уголовные же дела производить по общим законам Российского государства...»¹.

Договоры, заключенные между Российской империей и ханствами Северного Азербайджана, не содержали требования о распространении российского уголовного законодательства на мусульманскую часть Закавказья [2, с. 262, 275, 279, 294]. Однако содержание других актов

дает основание говорить о распространении действия уголовного законодательства Российской империи на этот край² [3, с. 148].

Существует несколько условных периодизаций истории развития уголовного права в Закавказье, которые всегда были тесно связаны с происходящими в этом регионе политическими процессами.

К моменту присоединения Закавказья к Российской империи в мусульманских провинциях, составлявших большую часть Закавказья³, действовали нормы исламского права.

Что касается Грузии, то грузинский царевич Давид писал, что «при царствовании в Грузии родителей его и предков, край сей управляем был законами пророка Моисея, законами греческих императоров Константина, Юстиниана и Льва Мудрого, законами царя грузинского Георгия III, установлениями князя Агбуга Атабагского, законами царя Вахтанга. Чего же недоставало, то все заимствовано было из российского уложения (Соборного уложения 1649 г. — И. М., Н. С.) и артикулов (Воинского устава 1716 г. — И. М., Н. С.)... Петра Великого»⁴.

Кроме этого, в Закавказье действовало обычное право проживавших там народов.

К началу XIX в. уголовное право в Закавказье не выделялось как отдельная отрасль права, нормы о преступлениях и наказаниях соседствовали с нормами, регулирующими другие общественные отношения. Существенное влияние на него оказывали религиозные и моральные нормы. Кроме того, свойством уголовно-правовой сферы регулирования было отсутствие норм общего характера, например правоустановлений, определяющих задачи и принципы уголовного закона, предусматривалась лишь ответственность за конкретные преступления.

Присоединение Закавказья к Российской империи ознаменовалось началом нового этапа в развитии уголовного права в этом регионе. Однако правительство понимало, что применение российского уголовного законодательства на

² Рапорт Алексея Ермолова в Правительствующий сенат, от 25 мая 1820 года // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. 1, № 43.

³ Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева, от 5 апреля 1814 года // Там же. 1873. Т. 5, № 296.

⁴ Высочайше утвержденный рапорт министра юстиции «Об учреждении Комитета для рассмотрения переводов Уложения грузинского царя Вахтанга». 19 июля 1813 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го отд-ния СЕИВК, 1830. Т. XXXII. № 25429.

¹ Именной указ, данный Сенату, «О учреждении внутреннего в Грузии управления». С приложением манифеста к грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата. 12 сентября 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое. СПб. : Тип. 2-го отд-ния СЕИВК, 1830. Т. XXVI. № 20007. Далее — ПСЗРИ. Собр. 1.

этой территории невозможно без исключений. По поводу применения уголовного законодательства в Грузии российский монарх говорил: «Уголовные же дела производить по общим законам Российского государства, дозволяя однако главнокомандующему вместе с правителем сообразить их с умоначертаниями тамошного народа, и вместе по обеим им статьям представить мнение свое на высочайшее усмотрение»⁵.

В доказательство можно привести много авторитетных источников и мнений, но наилучшие объяснения по этому вопросу содержатся в словах А.П. Ермолова: «Местное положение, — писал главнокомандующий Грузией, — нравы народа и самый образ бывшего... царского правления... обязывают правительство к изобретению свойственного сим отношениям рода правления»⁶.

Данные обстоятельства требовали принятия уголовно-правовых норм локального характера, которые учитывали бы особенности политико-правового и социально-экономического устройства региона, социальную структуру общества, его государственно-правовые и нравственные воззрения.

В итоге был принят ряд уголовно-правовых норм, которые не были кодифицированы в единый акт, а были представлены в различных нормативных актах.

Стоит сказать, что стремления, связанные с принятием для Закавказья как региона, недавно присоединившегося к Российской империи и требующего оперативного нормативного регламентирования общественной жизни, единого нормативно-правового акта, целиком состоящего из уголовно-правовых норм, были бы утопическими. Такового акта не было даже для всего Российского государства. В этот период шла активная работа по реформированию уголовного законодательства Российской империи. В 1806, 1812, 1813 и 1816 гг. было подготовлено несколько проектов уголовных законов, но им не суждено было получить статус закона. В этом плане Российская империя отставала от континентальной Европы, получившей кодифицированные правовые акты еще в Средние века [4, р. 3].

⁵ Именной указ, данный Сенату, «О учреждении внутреннего в Грузии управления». С приложением манифеста к грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата. 12 сентября 1801 г.

⁶ Письмо ген. Ермолова ген.-л. Канкрину, от 2 июня 1823 года // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1874. Т. 6, № 1, № 848.

Принятые в итоге нормативно-правовые акты дали толчок развитию норм и институтов уголовного права в Российской империи. По мнению А.В. Наумова, корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII–XIX вв., проверенных временем [5, с. 576].

О задачах уголовного законодательства и уголовно-правовой политики России в Закавказье

В разные исторические эпохи существовали различные мнения о задачах уголовного закона. Так, А.Ф. Кони в XIX в. подчеркивал, что правосудие должно иметь целью воспитывать уважение не только к закону, но и к человеческому достоинству [6, с. 58]. В.Е. Квашиш видел цель уголовного процесса в искоренении преступности [7, с. 11]. П.С. Элькинд — в реализации норм уголовно-процессуального права [8, с. 20], а Т.Н. Добровольская — в установлении истины [9, с. 121]. Автор идеи разумного замысла в природе Уильям Пейли, а также Уильям Иден, отстаивавший идею превенции преступлений, считали высшей задачей уголовного законодательства не наказание преступника за преступление и удовлетворение правосудия, а сдерживание, предупреждение преступности [10, с. 112; 11, р. 7].

В настоящее время уголовные законы большинства стран содержат нормы, имеющие свои задачи. Задачами уголовного законодательства законодатели определяют как охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, так и предупреждение преступлений.

А в начале XIX в. задачи уголовного законодательства в Закавказье были несколько иные. Они определялись региональными интересами государства.

В первую очередь принятые уголовно-правовые нормы были призваны содействовать укреплению позиции Российского государства в регионе и борьбе со всякого рода посягательствами на государственную власть, способствовать воспитанию подданных в духе верности императору и только потом — противодействовать преступности.

Информацию о приоритетах уголовно-правовой охраны можно найти в текстуальных формулировках документов, в высказываниях лиц,

осуществлявших властные полномочия. В них на первое место выдвигались мир и безопасность, незыблемость государственной власти, общественный порядок и общественная безопасность, экономическая деятельность, а уже потом — жизнь и здоровье личности, ее права и собственность.

Так, главнокомандующий Грузией А.П. Тормасов в своем обращении к грузинскому народу сообщал: «Великий наш Г.И. (государь император. — *И. М., Н. С.*) быв праведен в наказании за умышленное злодеяние, подвинувшись справедливым гневом к извергам, восставшим против общего покоя и изменяющим своей присяге, высочайше повелеть соизволил, всех нарушителей присяги на верность Е.И.В., особенно поднявших оружие против собратий и войск Е.И.В., отныне предавать смертной казни, не исключая никакого лица и состояния... Казнь отвратит каждого иметь даже и в помышлении что-либо вредное против присяги на верность Высочайшему Всероссийскому престолу или даже входить в малейшие сношения с неприятелями России...»⁷.

Тем не менее именно в этот период Закавказье получило уголовно-правовое установление, определяющее задачи уголовного закона на этой территории со свойственными ему аксиологическими и имплицитными свойствами.

«Высочайше утвержденным постановлением внутреннего в Грузии управления» от 1801 г. в Карталинии (Картли) и Кахетии было учреждено Верховное грузинское правительство со структурным подразделением — Экспедиция уголовных дел. Экспедиция, осуществляя свою деятельность, должна была руководствоваться постановлениями Российской империи «с той однако отменой, каковую по соображении обстоятельств найдет нужным ввести Главнокомандующий вместе с Правителем Грузии с высочайшего утверждения»⁸. Уездные суды также в своих действиях должны были руководствоваться российскими уголовными законами.

Для другой части нынешней Грузии (Имерети) также был учрежден орган государственной власти — Областное правление со структурным

подразделением под названием «Экспедиция суда и расправы». Положение ограничивалось выражением: «Производство дел уголовных иметь быть по Российским законам...»⁹.

В отличие от Имерети, в Карталинии (Картли) и Кахетии декларировалось, что уголовное законодательство призвано, «чтобы во всех землях, управляемых именем и властью Императорского Величества, пресечены были всякие злоупотребления, несправедливости, угнетения, разбои, смертоубийства, и также истязания по делам уголовным»¹⁰.

На мусульманскую часть Закавказья имперское уголовное законодательство было распространено сразу же после присоединения этих территорий к Российскому государству. В 1805 г. уголовные законы были переведены и вкпе с сопроводительным письмом Министерства внутренних дел разосланы местным ханам¹¹.

«Просительные пункты и клятвенное обещание при вступлении в подданство России», заключенные между Российской империей и Шекинским, Карабахским и Шемахинским (Ширванским) ханствами в 1805 г., даровали местным ханам «власть с внутренним управлением сопряженную, суд и расправу... в полную его волю» [12, с. 160], что означало помимо прочего право наказания за правонарушения, исключая высшую меру наказания. А.П. Ермолов, рассуждая о полномочиях местной ханской власти на мусульманских территориях, во всеподданнейшем рапорте доносил, что трактаты предоставляют им прежнюю власть без малейшего ограничения, кроме казни¹².

Полномочия мусульманских духовных судов в сфере производства гражданских и уголовных дел были изъяты и отнесены к юрисдикции городских и военных судов.

Однако центральная власть в отношении мусульманских территорий старалась меньше вмешиваться в сферу применения законода-

⁹ Высочайше утвержденное Положение «О временном правлении Имеретинской области» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го отд-ния СЕИВК, 1830. Т. XXXI. № 24597.

¹⁰ Именной указ, данный Сенату, «О учреждении внутреннего в Грузии управления». С приложением манифеста к грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата. 12 сентября 1801 г.

¹¹ Отношение кн. Чарторыйского гр. Гудовичу, от 14 июня 1806 г. // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1869. Т. 3, № 2.

¹² Всеподданнейший рапорт Ермолова, от февраля 1817 года // Там же. 1874. Т. 6, ч. 1, № 1264.

⁷ Обещание ген. Тормасова по Грузии, от 16 сентября 1809 года // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. 4, № 631.

⁸ Именной указ, данный Сенату, «О учреждении внутреннего в Грузии управления». С приложением манифеста к грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата. 12 сентября 1801 г.

тельства, пытаясь сохранить баланс между имперским правом и обычным и мусульманским, но все же с преобладанием права имперского. Правительство, распространяя российское законодательство, наблюдало, чтобы оно не отразилось отрицательно на отношениях населения и центра. А.П. Ермолов в предложении Казенной экспедиции Верховного грузинского правительства предупреждал о том, чтобы описание горских народов производили весьма осторожным образом, дабы вредное истолкование не произвело вредных последствий¹³.

Интересно отметить, что даже после того как автономный статус у азербайджанских ханств был практически изъят, имперские власти, тем не менее, осознавали, что «положение дел и самые местные обстоятельства требуют некоторой умеренности в приведении в действие предположений правительства, основанных на учреждении всеобщего порядка»¹⁴, и руководствовались этими соображениями в уголовно-правовой сфере отношений.

Такое положение представляло наличие «самоуправления на основании собственного права», а «условием самостоятельности самоуправления является или дарование таковой государством, или допущение ее последним: самоуправление может жить своим правом, но это право существует, пока государство его не отменило», — отмечал Б.Э. Нольде [13, с. 272, 277].

Несомненным положительным моментом распространения уголовного законодательства на ханства Северного Азербайджана стало формирование среди слоев местного общества идей о ценности жизни человека и новых целях наказания.

Итак, как бы то ни было, впервые в истории права региона официально, на нормативном уровне в уголовном праве оформились его онтологические задачи.

Становление и правовое оформление новых принципов уголовной ответственности в праве Закавказья

Как справедливо отмечает И.Я. Гонтарь, закрепление принципов в уголовном законодательстве является важным прогрессивным шагом в области уголовного правотворчества [14, с. 906].

¹³ Предложение Ермолова Казенной Экспедиции, от 5 декабря 1822 г. // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. 1, № 93.

¹⁴ Письмо ген.-л. Вельяминова Нерсесу, от 8 июля 1822 г. // Там же. № 1289.

Нынешний Уголовный кодекс РФ закрепляет такие принципы уголовной ответственности, как законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость и гуманизм.

Гуманистический взгляд на жизнь и общество нашел свое отражение и среди руководящих принципов Организации Объединенных Наций в системе уголовной юстиции: гуманизм основывается на приверженности обеспечению защиты прав человека при отправлении правосудия, предупреждению преступности и ведению борьбы с ней.

Просветительно-гуманистические идеи в уголовном праве получили свое интенсивное развитие в эпоху Просвещения, в XVIII в. Представители данного течения выдвигали идеи гуманизма и справедливости, выступали за сужение сферы применения смертной казни и пыток [15–17]. Один из самых видных представителей Просвещения Ш. Монтескье писал: «Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений. Здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком» [18, с. 320].

Воинский устав Петра I 1716 г. устанавливал наказания за многие деяния, которые вообще не охватывались ранее действовавшим законодательством, резко ужесточал ответственность за преступления.

На фоне действия Воинского устава в начале XIX в. в области уголовно-правового регулирования были заложены гуманистические начала юридической (уголовной) ответственности, которые основывались на критериях милосердия и человеколюбия.

Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могли иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Император Александр I, говоря о применении общеимперского уголовного законодательства в Грузии, отмечал, что «долг главнокомандующего будет облегчить жребий и самых преступников благостью законов Российских и истребить пытки и смертную казнь»¹⁵.

¹⁵ Именной указ, данный Сенату, «О учреждении внутреннего в Грузии управления». С приложением манифеста к грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата. 12 сентября 1801 г.

Идеологические основы применения принципа гуманизма в закавказском обществе мы находим в посланиях российского императора местным народам: «Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на нас священный долг, вняв молению страждущих в отвращение их скорбей, учредить в Грузии Правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона»¹⁶.

Очевидно, официально пропагандировалось движение уголовного закона в сторону принципа гуманизма.

В поддержку приведенной точки зрения можно сослаться на указ российского императора Александра I от 12 сентября 1801 г. об отмене пыток. Император объявлял: «Зная всю важность сего злоупотребления и до какой степени оно противно самим первым основаниям правосудия и притеснительно всем правам гражданским, не оставить при сем случае сделать повсеместно по всей империи наистрожайшие подтверждения, чтобы нигде ни под каким видом ни в высших, ни в низших Правительствах и Судах, никто не дерзнул ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний... в течение следствия не были они подвержены каким-либо пристрастным допросам, и чтобы наконец само название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»¹⁷.

Кроме того, после присоединения Закавказья к Российской империи была сужена сфера применения самой суровой меры государственного принуждения — смертной казни.

Отсутствие писаного права в ханствах Северного Азербайджана не дает возможности точно определить общие начала назначения наказания и виды наказаний за уголовные деяния. Однако, как указывают источники, в ханствах смертная казнь могла быть применена произвольно, без каких-либо ограничений [19, с. 18]. «Убийства в Закавказье не почитались преступлением, и всякий бей может убить подвластного, не только не подвергаясь какому-либо наказанию, ни же опасаясь отмщения,

ибо особа бека неприкосновенна», — писал А.П. Ермолов¹⁸.

После внедрения имперского уголовного закона ситуация несколько изменилась. Немаловажное значение имело отношение к этим решениям представителей мусульманского духовенства и православной церкви.

В указанный период большую часть Закавказья составляли мусульманские провинции¹⁹. Ислам ограничивался несколькими составами преступлений, за которые могло быть назначено наказание в виде смертной казни. Православная церковь также отрицала и осуждала всякого рода всевозможные убийства. Данные духовно-религиозные принципы составляли консонанс с имперской уголовно-правовой позицией.

В 1826 г. уездные маршалы Тифлиса, Сигнахи, Гори и Душети сообщили прокурору Грузии об отсутствии смертной казни в этих частях Грузии²⁰.

После царствования Петра I, периода «пышного расцвета составов преступлений и системы телесных наказаний», началась законодательная отмена смертной казни или ограничение ее применения. К началу XIX в. реально смертная казнь назначалась только за мятеж, убийство и измену [20, с. 20].

Смертная казнь как исключительная мера наказания могла быть установлена только за преступления против жизни (убийство), общественной безопасности, безопасности государства, а также мира и безопасности человечества [21, с. 16].

Следовательно, можно предположить, что наказания, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны были быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Таким образом, в Закавказье после его присоединения к Российской империи наблюдалось формирование и постепенное внедрение в практику правоприменения новых, отличаю-

¹⁶ Именной указ, данный Сенату, «О учреждении внутреннего в Грузии управления». С приложением манифеста к грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата. 12 сентября 1801 г.

¹⁷ Именной указ, данный Сенату, «Об уничтожении пытки» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го отд-ния СЕ-ИВК, 1830. Т. XXVI. № 20022.

¹⁸ Отношение генерала Ермолова ген.-адъютанту Закревскому, от 9 апреля 1820 г. // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. 1, № 42.

¹⁹ Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева, от 5 апреля 1814 г.

²⁰ Представление Общего собрания Верховного Грузинского Правительства ген.-л. Вельяминову, от 30-го апреля 1826 г. // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. 1, № 132.

щихся от существующих принципов уголовного законодательства — принципов гуманизма и справедливости.

Заключение

Итак, начало XIX в. можно считать отправной точкой нового, более прогрессивного периода в развитии уголовного законодательства в Закавказье. Впервые в истории права региона

на нормативном уровне в уголовном законодательстве оформились его онтологические задачи, такие как защита личности, государственного строя и безопасности государства от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений. Были провозглашены цивилизационные принципы — принцип гуманизма и принцип справедливости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минникес И.В. История отечественного государства и права: предметно-отраслевой способ изложения / И.В. Минникес // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2013. — № 5. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=18609>.
2. Под стягом России : сб. арх. док. / сост. А.А. Сазонов. — Москва : Рус. кн., 1992. — 432 с.
3. Dəmirli M.Ə. Azərbaycan hüquq tarixi: cinayət hüququ (qədim zamanlardan 1920-ci ilədək) / M.Ə. Dəmirli, Ə.R. Ələsgərli. — Bakı : Azərnaşr, 1999. — 204 s.
4. Wallinga T. The Common History of European Legal Scholarship / T. Wallinga. — DOI 10.5553/ELR221026712011004001002 // Erasmus Law Review. — 2011. — Vol. 4, iss. 1. — P. 3–20.
5. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. — Москва : Новый юрист, 1997. — 592 с.
6. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) / А.Ф. Кони // Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. — Москва : Госюриздат, 1959. — С. 27–62.
7. Квашиш В.Е. Гуманизм советского уголовного права / В.Е. Квашиш. — Москва : Юрид. лит., 1969. — 150 с.
8. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькин. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. — 143 с.
9. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса / Т.Н. Добровольская. — Москва : Юрид. лит., 1971. — 200 с.
10. Тепляшин П.В. Принципы философии наказания и тюремоведения Уильяма Палея / П.В. Тепляшин // Государство и право. — 2005. — № 2. — С. 112–115.
11. Eden W. Principles of Penal Law / W. Eden. — London : Printed for B. White, 1771. — 323 p.
12. Карабаг: Курекчай — 200 / науч. ред. Я.М. Махмудов. — Баку, 2005. — 168 с.
13. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права / Б.Э. Нольде. — Санкт-Петербург : Правда, 1911. — 559 с.
14. Гонтарь И.Я. Принцип справедливости и институт вины в уголовном праве / И.Я. Гонтарь // Lex Russica. — 2013. — № 8. — С. 906–919.
15. Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders' and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General / J. Bentham. — London : T. Payne and son, 1778. — 114 p.
16. Howard J. The State of the Prisons in England and Wales / J. Howard. — Warrington : Printed by William Eyres, 1777. — 521 p.
17. Səməndərov F.Y. Cinayət hüququnda cəza problemi: tarix və müasirlik / F.Y. Səməndərov. — Bakı : Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2009. — 286 s.
18. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье ; под общ. ред. М.П. Баскина. — Москва : Госполитиздат, 1955. — 800 с.
19. İsmayıl M. Şəki xanlığı / M. İsmayıl, M. Bağirova. — Bakı : Azərnaşr, 1997. — 76 s.
20. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 2 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — Москва : Зерцало, 2002. — 464 с.
21. Саламов Н.М. К вопросу о смертной казни в Закавказье после присоединения к Российской империи: историко-правовой анализ / Н.М. Саламов. — DOI 10.24411/2312-3184-2020-10001 // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. — 2020. — № 1 (92). — С. 9–19.

REFERENCES

1. Minnikes I.V. History of National State and Law: Subject-and-Branch Method of Interpretation. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2013, no. 5. Available at: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=18609>. (In Russian).
2. Sazonov A.A. (ed.). *Under the Russian Banner*. Moscow, Russkaya Kniga Publ., 1992. 432 p.
3. Demirli M.A., Alasgarli A.R. *The history of law in Azerbaijan: criminal law (from the ancient times till 1920)*. Baku, Azərnaşr Publ., 1999. 204 p.
4. Wallinga T. The Common History of European Legal Scholarship. *Erasmus Law Review*, 2011, vol. 4, iss. 1, pp. 3–20. DOI: 10.5553/ELR221026712011004001002.
5. Vetrov N.I., Lyapunov Yu.I. (eds.). *Criminal Law. General Part*. Moscow, Novyi Yurist Publ., 1997. 592 p.
6. Koni A.F. Moral Principles of Criminal Procedure (General Characteristics of Court Ethics). *Selected Works*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959, vol. 1, pp. 27–62.

7. Kvashis V.E. *Humanism of the Soviet Criminal Law*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1969. 150 p.
8. Elkind P.S. *The Targets and Ways of Reaching them in Soviet Criminal Procedure Law*. Leningrad State University Publ., 1976. 143 p.
9. Dobrovolskaya T.N. *Principles of Soviet Criminal Process*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1971. 200 p.
10. Teplyashin P.V. William Paley's Principles of the Philosophy of Punishment and Prisons. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 2, pp. 112–115. (In Russian).
11. Eden W. *Principles of Penal Law*. London, Printed for B. White, 1771. 323 p.
12. Makhmudov Ya.M. *Kharabakh: Kurekchai — 200*. Baku, 2005. 168 p.
13. Nolde B.E. *Essays on Russian State Law*. Saint-Petersburg, Pravda Publ., 1911. 559 p.
14. Gontar I.Ya. Principle of Justice and Institution of Guilt in Criminal Law. *Lex Russica*, 2013, no. 8, pp. 906–919. (In Russian).
15. Bentham J. *A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders' and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General*. London, T. Payne and son, 1778. 114 p.
16. Howard J. *The State of the Prisons in England and Wales*. Warrington, Printed by William Eyres, 1777. 521 p.
17. Samandarov F.Y. *The Problem of Punishment in Criminal Law: History and Modernity*. Baku University Publ., 2009. 286 p.
18. Monteske Sh.; Baskin M.P. (ed.). *Selected Works*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 800 p.
19. Ismail M., Bagirova M. *The Shaki Khanate*. Baku, Azərənşr Publ., 1997. 76 p.
20. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds.). *Criminal Law Course*. Moscow, Zertsalo Publ., 2002. Vol. 2. 464 p.
21. Salamov N.M. To the Issue of the Death Penalty in the Transcaucasus After Joining the Russian Empire: a Historical and Legal Analysis. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 1, pp. 9–19. (In Russian). DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Минникес Ирина Викторовна — профессор кафедры теории и истории государства и права, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: ivminnikes@mail.ru.

Саламов Натиг Мухтар-оглы — юрист Государственной службы имущественных вопросов при Министерстве экономики Азербайджанской Республики, преподаватель Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку, Республика Азербайджан; e-mail: natiksalamov@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Minnikes, Irina V. — Professor, Chair of the Theory and History and State and Law, Senior Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: ivminnikes@mail.ru.

Salamov, Natiq M. — Lawyer, State Service for Property Issues under the Ministry of Economy of the Republic of Azerbaijan, Lecturer, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, the Republic of Azerbaijan; e-mail: natiksalamov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минникес И.В. Развитие норм и институтов уголовного права в Закавказье в начале XIX века / И.В. Минникес, Н.М. Саламов. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(6).766-774 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 6. — С. 766–774.

FOR CITATION

Minnikes I.V., Salamov N.M. The development of the norms and institutions of criminal law in the Transcaucasia region at the beginning of the 19th century. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 6, pp. 766–774. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).766-774.